

МОСКОВСКИЕ ОТГОЛОСКИ ДУЭЛИ И СМЕРТИ ПУШКИНА.

Кончина Пушкина и ее трагическая обстановка всколыхнули все образованное русское общество, привлекли к себе всеобщее внимание. В переписке современников, в их дневниках и воспоминаниях мы находим многочисленные отклики этого горестного события, служащие отражением произведенного им впечатления. Кое-что из этих материалов уже опубликовано (например, Б. Л. Модзалевским: „Пушкин и его современники“, VI, 98 и сл.), но многое еще таится под спудом и ждет своей очереди. В Историческом Музее в Москве хранится между прочим дневник Владимира Алексеевича Муханова, в котором целый ряд записей посвящен сведениям и слухам о дуэли и смерти Пушкина. Муханов проживал в Москве; следовательно, он не был непосредственным свидетелем событий, а должен был довольствоваться доходившими до него слухами. Поэтому в дневнике его мы не найдем ничего существенно нового; тем не менее его записи представляют известный интерес и дают повод к соображениям, нелишенным значения для установления некоторых фактов, относящихся к последним дням Пушкина.

Однако, прежде всего несколько слов о самом авторе дневника. В. А. Муханов родился в 1805 году, умер в 1876 году. Он принадлежал к старинной московской дворянской семье и получил тщательное домашнее образование. В 20-х и 30-х годах он служил в Московском Архиве Иностранных Дел, был камер-юнкером, но служебной карьеры не сделал, в противоположность своему старшему брату Николаю, достигшему поста товарища министра иностранных дел и звания члена Государственного Совета. Другой брат его, Александр, служил на военной службе и состоял в приятельских, хотя и не близких отношениях с Пушкиным: сохранилось несколько записочек к нему Пушкина, с обращением на ты,—впрочем, довольно незначительных по содержанию. Сам Владимир Алексеевич был человеком высоко образованным. Не будучи литератором, он живо интересовался литературой, много и серьезно читал. Письма его к братьям (Шукинский сборник, т.т. IV и V) показывают, насколько обширен был круг его литературных интересов. Многие отзывы Муханова о произведениях современной литературы обнаруживают в нем правильный взгляд и тонкий вкус; в частности, он всегда очень высоко ценил Пушкина: в письмах его неоднократно встречаются отзывы о новых произведениях поэта, с которыми он спешил познакомиться. Литературные интересы Муханова поддерживались также и тем, что среди его знакомых было немало писателей: Боратынский, Хомяков и другие. О нравственной личности Муханова дает понятие его некролог,

написанный П. И. Бартеневым (Московские Ведомости, 1 декабря 1876 года, № 309) и отмечающий его скромность, простоту и любовное, „братское“ отношение к людям, как основные черты его характера. Интересные выдержки из дневников Мулапова напечатаны в Русском Архиве 1896, 1897 и 1900 гг.¹⁾

„1/13 февраля. Сегодня годовщина по матушке, день сам по себе грустный, который еще более омрачился известием, сообщенным мне братом. Пушкин дрался на дуэли и смертельно ранен. Он долго получал безымянные письма, оскорбительные для чести его, стал подозревать сочинителем оных Голландского посланника барона Экерна и, потеряв терпение, сам написал бранное письмо, но только подписав оное, к низкому Голландцу. Посланник послал за Д'Антесом, незадолго до того им усыновленным, вследствие 500 т. рублей, полученных старым Экерном от Голландского короля, и объявил ему, чтобы он кончил дело. Д'Антес в ответ вынул из кармана вызов Пушкина. На другой день они стрелялись в 20 шагах. Поэт получил пулю в живот и ула; к нему было подбежал противник его, но он просил его стать на свое место, выстрелил и ранил ему руку. Государь здесь, как и всегда, обнаружил великую душу, живо ценящую все высокое и заключающую всегда отголосок на прекрасное. Император написал собственноручно карандашом записку к поэту следующего содержания: „Если хочешь моего прощения (за дуэль,

¹⁾ О братьях Мухановых смотри в книге А. А. Сиверса: „Материалы к родословию Мухановых“, Спб., 1909; стр. 104—106.

вероятно) и благословения, прошу тебя исполнить последний долг христианина. Не знаю, увидимся ли на сем свете. Не беспокойся о жене и детях; я беру их на свои руки“. Пушкин был тронут, послал за духовником, исповедался, причастился и, призвав посланного государева, сказал ему:—Доложите императору, что пока еще вы были здесь, я исполнил желание его величества, и что записка императора продлит жизнь мою на несколько часов. Жалею, что не могу жить,—сказал он потом друзьям своим, окружающим умирающего; отныне жизнь моя была бы посвящена единственно государю. Жене своей он говорил: не упрекай себя моей смертью: это дело, которое касалось одного меня. Секундантом Пушкина был полковник Данзас; подробности о сем несчастном событии получил от А. Я. Булгакова“.

Из этой записи дневника Муханова видно, что известие о событии, взволновавшем все петербургское общество, дошло до Москвы только на пятый день; несомненно, что аккуратный Муханов занес его в свой дневник немедленно по получении, а получил он его, несомненно, в числе первых в Москве: в конце своей записи он сам указывает на источник своих сведений, на известного московского почт-директора А. Я. Булгакова, служившего для своих многочисленных друзей и знакомых постоянным осведомителем и имевшего для этой роли все необходимые данные уже в силу своего служебного положения. Что касается до самого Булгакова, то для него источником информации в данном случае могли быть такие

хорошо осведомленные лица, как А. П. Тургенев и князь П. А. Вяземский. Сохранилось письмо Тургенева к Булгакову от 29 января, написанное в квартире умирающего Пушкина и описывающее последние часы жизни и кончину поэта. Конечно, Булгакову было известно и содержание писем Тургенева к его двоюродной сестре А. И. Нефедьевой, которые также проходили через его руки. Другим корреспондентом Булгакова был князь П. А. Вяземский. Известно письмо к нему Вяземского, с описанием дуэли, болезни и кончины Пушкина; письмо это относится к 5 февраля, но возможно, что были и более ранние письма, может быть не столь подробные.

Чрезвычайно важным считаю я упоминание в дневнике Муханова о собственноручной записке Николая к Пушкину. Щеголев в своем известном труде о дуэли Пушкина подробно останавливается на вопросе об этой записке ¹⁾. Он считает историю ее „очень загадочной“ (стр. 12); указывая на некоторые противоречия в показаниях А. П. Тургенева, кн. Вяземского, Жуковского, Щеголев пытается даже заподозрить самый факт существования этой записки. Он ссылается на неясность относительно времени передачи ее Арндтом умирающему Пушкину, на то, что в самом раннем известии о последних днях поэта, в первом письме Тургенева к А. П. Нефедьевой, написанном утром 28 января, о ней вовсе не упоминается, а говорится, как будто лишь о словесной передаче поручения

¹⁾ П. Е. Щеголев. „Дуэль и смерть Пушкина“. Исследование и материалы. Петроград, 1916, стр. 12—17.

государя Арндтом. Наконец, останавливается он и на самом тексте записки: „Если записка была, то какое же было ее содержание“ (стр. 14)—спрашивает Щеголев и затем приводит различные редакции ее у Тургенева, Вяземского и Жуковского; впрочем, в конце концов он сам принужден признаться, что смысл записки во всех версиях одинаков, и вся разница заключается лишь в отдельных выражениях и оборотах (стр. 16).

Точно так же Щеголев высказывает сомнение и относительно известной фразы Пушкина по адресу государя: „мне жаль умереть: был бы весь его“.

Указав на некоторые противоречия в передаче самого факта в показаниях друзей Пушкина: кому были сказаны эти слова и когда именно, Щеголев останавливается на сравнении черновых набросков Жуковского с позднейшим отделанным текстом его письма к отцу поэта, отмечает редакционные изменения, внесенные Жуковским и приходит, наконец, к следующему заключению: „Из изложенного процесса работы Жуковского над воссозданием или вернее над созданием патриотических слов Пушкина обнаруживается сомнительность самого факта их произнесения“ (стр. 21).

Щеголев пытается представить дело так, что Жуковский, желая, с одной стороны, реабилитировать Пушкина от упрека в вольнодумстве, а с другой—привлечь к его семье милости государя, создал легенду о последних днях жизни Пушкина и в превратном, идеализированном виде изобразил взаимные отношения его и Николая. Для этого он пустил в ход

слух о милостивой записке государя к умирающему поэту, свидетельствующей о его трогательной заботливости, а Пушкину приписал верноподданнические слова, свидетельствующие о его преданности особе государя. Но, во-первых, если бы записки Николая не существовало вовсе, то как мог бы Жуковский взять на себя смелость пустить о ней молву в публичное обращение. Ведь этот слух, несомненно, должен был так или иначе дойти и до государя, и трудно было предвидеть, как бы отнесся к нему сам Николай, не допуская и мысли, чтобы кто-либо из подданных мог вмешиваться в его личные дела и отношения¹⁾.

¹⁾ Своеобразную позицию занял в этом вопросе Ю. Г. Оксман („Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина“. Изд. Атеней. Петербург, 1924 г.). Он приходит к тому выводу, что письмо Николая с изъяснением его воли было адресовано не самому Пушкину, а Арендту, которому государь и поручил прочесть его умирающему поэту в части, относящейся к нему. Щеголева смущал вопрос, почему государь приказал Арендту вернуть себе свою записку по прочтении ее Пушкину. Оксман выдвигает по этому поводу вполне правильное соображение, имеющее за собой авторитет А. И. Тургенева (см. книгу Полякова „О смерти Пушкина“. Петербург, 1922). Всякое письменное обращение государя к частному лицу рассматривалось в то время официально, как „рескрипт“, означающий особое милостивое внимание. Николай, очень строго соблюдавший все формы, созданные для поддержания авторитета власти, считал неудобным обращаться с рескриптом к лицу, только что нарушившему закон и подлежавшему за это суду. Нужно, однако, заметить, что все эти соображения имеют значение лишь в том случае, если записка Николая была обращена непосредственно к Пушкину. Оксман упустил это из виду и потому его аргументация обращается против него самого.

Что касается до слов Пушкина по адресу государя, то факт их произнесения, помимо Жуковского, засвидетельствован также и другими очевидцами последних дней жизни Пушкина—Вяземским, Тургеневым, которые и приводят их в своих письмах к друзьям, при чем в их наиболее существенной части („был бы весь его“) слова эти вполне совпадают с текстом Жуковского. Вполне возможно, что, обрабатывая впоследствии для публичного обращения и для печати свои воспоминания о последних днях Пушкина, Жуковский внес в слова поэта некоторые стилистические изменения и добавления, амплифицировал их и предал им округлость и законченность, в духе своей собственной литературной манеры; но из этого еще вовсе не следует, что он сам изобрел эти слова и приписал Пушкину то, что последний и не думал говорить. Подчеркивая и выдвигая эти слова Пушкина, Жуковский, повидимому, действительно имел в виду оттенить патриотические чувства поэта и реабилитировать его в глазах императора Николая от того подозрения в вольнодумстве и либерализме, которое поддерживалось в государе внушениями Бенкендорфа. Но весьма мало вероятно, чтобы для этой цели друзья Пушкина, как это предполагает Щеголев, составили какое-то молчаливое соглашение, какой-то комплот, и чтобы они в своем дружеском усердии не остановились даже перед подтасовкою фактов и перед явными вымыслами. И когда же?—когда Пушкин еще мучился на своем смертном одре, когда он еще дышал и говорил, когда все друзья его были так поражены

неожиданностью происшедшего, что едва ли могли проявить приписываемую им Щеголевым расчетливую предусмотрительность. Кроме того, у одра Пушкина постоянно были и другие лица, близкие к нему: Данзас, гр. Виельгорский, Даль, по нескольку раз в день навещал его Арендт; все это были свидетели, мимо которых не могли пройти сколько-нибудь важные факты, относящиеся к умирающему. Или они тоже были вовлечены в дружеский комплот, придуманный Жуковским ради интересов Пушкина и его семьи? Все это очень мало правдоподобно.

Запись в дневнике Муханова еще раз подтверждает фактическую точность рассказа Жуковского. Запись эта сделана 1 февраля, в день получения первого известия о дуэли Пушкина. Следовательно, записанные Мухановым сведения были сообщены петербургским корреспондентом Булгакова, если не в самый день дуэли, то во всяком случае не позднее следующего дня, т.-е. 28 января. В первом письме Тургенева к А. И. Нефедьевой, написанном утром 28 января, этих слов нет; они есть в другом письме Тургенева „к неизвестному“, написанном уже в день смерти поэта 29 января („Пушкин и его современники“. Вып. VI, стр. 53). Но, принимая во внимание медленность тогдашних почтовых сообщений, едва ли письмо это могло быть получено в Москве таким образом, чтобы сообщаемые в нем сведения успели попасть в дневник Муханова еще 1 февраля. Приходится предположить, что было еще другое, более раннее письмо к Булгакову (Тургенева или какого-либо другого

лица из числа близких к Пушкину), которое и послужило материалом для Мухановской записи¹⁾. Письмо это, очевидно, исходило от человека, хорошо осведомленного обо всем, что делалось вокруг Пушкина, и было написано под живым впечатлением того, что происходило у постели умирающего, при чем самая быстрота передачи сведений исключала возможность их произвольных искажений, а тем более сознательного сочинительства²⁾.

„2/14 февраля [перевод с французского:] Хомяков справедливо полагает, что Пушкин был утомлен жизнью (*était las de la vie*) и что он воспользовался первым поводом для того, чтобы от нее отделаться,

1) Публикация в настоящем сборнике Е. Н. Коншиной отрывков из писем А. И. Тургенева к А. Я. Булгакову разъясняет дело. Письмо Тургенева, напечатанное (в „Пушкин и его совр.“, в. VI, стр. 53—55) как письмо к „неизвестному“ и датированное (не Тургеневым) „29“ января, есть второе письмо от 28 января А. И. Тургенева к А. И. Нефедьевой. Р е д.

2) Впрочем, все эти соображения несколько не ослабляют прекрасного анализа рассказа Жуковского о смерти Пушкина, сделанного Щеголевым, тонко отметившим „житийный характер“ этого рассказа и явное стремление автора изобразить смерть Пушкина, как „праведную кончину“ в христианском смысле. Но из того, что Жуковский в своем рассказе явно подчиняется столь характерному для него стремлению к своеобразной идеализации (отмеченному в нем еще академиком Веселовским) в духе собственного христиански-поэтического мироозерцания, еще вовсе не следует, что он склонен был прибегать к вымыслу и подтасовке фактов: он только ретушировал свое изображение, придавал ему известное освещение, но факты, несомненно, брал из действительности.

так как анонимный пасквиль не составляет оскорбления, делающего поединок неизбежным (un libelle n'étant pas, selon lui, une offense pour laquelle on se bat). Охлаждение русского общества к поэту, материальные стеснения, столкновения с министром и наконец огорчения, вызванные кокетством его жены, привели его к горестной катастрофе“.

Приводимые Мухановым соображения Хомякова интересно сопоставить с письмом Хомякова к Н. М. Языкову, написанном 1 февраля 1837 года, т.-е. в тот же день, к которому относится и первая запись Муханова: „Грустное известие пришло из Петербурга. Пушкин стрелялся с каким то Дантесом, побочным сыном Голландского короля. Говорят, что оба ранены тяжело, а Пушкина, кажется, смертельно. Жалкая репетиция Онегина и Ленского, жалкий и слишком ранний конец. Причины к дуэли порядочной не было, и вызов Пушкина показывает, что его бедное сердце давно измучилось и что ему хотелось рискнуть жизнью, чтобы разом от нее отделаться или ее возобновить. Его Петербург замучил всякими мерзостями; сам же он себя чувствовал униженным и не имел ни довольно силы духа, чтобы вырваться из унижения, ни довольно подлости, чтобы с ним помириться. Жена вероятно причина дуэли; впрочем вела себя всегда хорошо“. Немного времени спустя Хомяков писал к тому же лицу: „Пушкина убили непростительная ветренность его жены (кажется только ветренность) и гадость общества петербургского. Сам Пушкин не оказал твердости в характере (но этого и ожидать

от него было нельзя), ни тонкости, свойственной его чудному уму. Но страсть никогда умна быть не может. Он отшатнулся от тех, которые его любили, понимали и окружали его дружбою почти благоговейной, а пристал к людям, которые его принимали из милости. Тут усыпил он надолго свой дар высокий и погубил жизнь прежде, чем этот дар проснулся, если ему суждено было проснуться“¹⁾.

„3/15 февраля. Получено горестное известие о кончине Пушкина, последовавшей 29 января. Государь посылал к нему Наследника. Пишут, что сие несчастие возбудило сильное негодование против Экерна и вообще иностранцев“.

„4/16 февраля [перевод с французского:] Смерть Пушкина большое несчастье. Этот гениальный человек провел бурную жизнь, как и все великие поэты. В юности он заплатил свою дань увлечению молодости, которое он искупил долгими годами изгнания. Честь его освобождения (l'honneur de l'en avoir tiré) принадлежит нынешнему императору, благородному ценителю заслуг, оказанных России, в лице Карамзина, а позднее в лице гения, которого мы теперь

1) Письма А. С. Хомякова в собрании его сочинений; том VIII, стр. 89—90. Свое мнение о личности Пушкина Хомяков выразил и в более позднем (1859 году) письме к И. С. Аксакову: подчеркивал слабость его характера, Хомяков замечает, что в душе Пушкина не было „способности к басовым нотам“, которые, хотя и изредка, но встречаются в его творчестве. „От того-то вы можете восхищаться, или лучше не можете не восхищаться, но не можете ему благоговейно кланяться“ (там же, стр. 382).

оплакиваем. Начало литературной деятельности Пушкина было ознаменовано блестящим образом изданием его поэм. Благородство чувств, поэзия образов, правдивость изображения в соединении со всей прелестью мягкого и мелодичного языка, до тех пор неизвестного, ставят Пушкина в первый ряд не только среди национальных поэтов, но и среди поэтов всех стран. Что касается до его произведений последних лет, то они также имеют бесспорное значение; вначале он принял деятельное участие в редактировании периодических изданий, в которых он силою своего великого имени и первоклассного таланта вносил необходимую поправку в ложные суждения (*venait rectifier les erreurs*), которые клика писателей ничтожных и бедных духом стремилась привить нашей литературе; впоследствии он и сам начал издавать журнал с тою же целью“.

„5/17 февраля. Пушкин был отличный прозаик. Никто, исключая Жуковского, не пишет у нас прозою, как писал Пушкин. Он постиг дух языка и особенно замечателен всегда верным, правильным выбором именно того слова, которое точнее выражает мысль. Конечно, не зная немецкого языка, могу легко ошибиться, но мне кажется, что проза Жуковского, исполненная прелести, увлекательной более на Немецкий, нежели на Русский лад. Германизмы в составе его речи, в обороте ее, в расположении слов, хотя и искупаются неоспоримым искусством, однако все-таки не иное что, как пятна (без сомнения легкие) в прозаических отрывках Писателя, так удачно

познакомившего нас с Германскою музою. Пушкин, напротив, по расположению своей речи, по приемам ее, писатель совершенно Русский и в котором нет и тени иноземного. Безделки, изданные им под заглавием: Повести Белкина, Пиковая дама, Капитанская дочь (обе последние несравненно выше первых), История Пугачева и множество статей, рассеянных в журналах, свидетельствуют об обороте ума Русского, выразившегося в речи истинно и коренно Русской“.

Нельзя отказать этим замечаниям Муханова в верности и меткости, хотя в настоящее время они и производят впечатление чего-то общепризнанного и даже банального. Но не таково было их значение в момент написания, когда оценка Пушкина как в критике, так и в публике, далеко еще не установилась окончательно. Муханов не был причастен литературе, но он был наделен художественным чутьем и природным вкусом, которые и сказались в его отзыве. В особенности следует отметить настойчивое подчеркивание национального момента в творчестве Пушкина, весьма знаменательное, если принять во внимание, что в то время значение Пушкина, как великого национального поэта, как создателя новой русской литературы, еще далеко не было общепризнанным.

„7.19 февраля. Государь осыпал цветами свежую могилу Пушкина, благодетельствовал его семейство. Назначено ежегодно вдове поэта 5.000 рублей, столько же каждой из дочерей, коих две, и по 1.500 рублей двум сыновьям; приказано также внести деньги за

имение Пушкина, заложенное в Опекунском Совете и напечатать сочинения великого писателя, с тем чтобы продавать оные в пользу его семейства; бумаги покойника поручено разобрать Жуковскому. Тело будет предано земле в Тверском ¹⁾ имении, принадлежащем родителям Пушкина; туда провожать его будет Тургенев. На похоронах были первые Сановники, Дипломатический корпус и до 6.000 народу. Погребальная процессия долженствовала идти мимо Голландского посланника, но полиция узнала, что народ собирается бить стекла посланнической квартиры, изменила порядок печального шествия. Здесь на гостинном дворе сидельцы и лавочники толкуют о сем горестном событии“.

Толки о возможности враждебных демонстраций против Геккерна упоминаются и в письме А. П. Тургенева к А. И. Нефедьевой от 1 февраля 1837 года: „Полиция, кажется, опасается, чтобы в доме Геккерна отца, где живет и сын его, не выбиты были окна или чего не произошло при выносе и отпевании“. (Пушкин и его современники. Вып. VI, стр. 65.) О таких же опасениях говорится и в письмах Жуковского к гр. Бенкендорфу и Вяземского к вел. кн. Михаилу Павловичу (Щеголев. Назв. соч., стр. 134 и 151). Эти слухи явились для Бенкендорфа весьма удобным предлогом для принятия тех исключительных мер по охране порядка, которые вызвали такое возмущение среди ближайших друзей поэта.

¹⁾ Ошибка. В Псковской губ. близ монастыря Святой Горы (прим. Муханова).

„13/25 февраля [перевод с французского:] Вот еще несколько подробностей о Пушкине. Император возвращался из театра, когда нашел у себя командира Кавалергардского полка, дивизионного генерала и Нессельроде. Военные власти сообщили ему фатальную новость. Вицеканцлер явился для того, чтобы испросить аудиенцию от имени барона Геккерна, голландского посланника, который уже находился во дворце. Государь отвечал отказом, прибавив, что аудиенция, которую мог бы получить посланник, была бы прощальной (*audience de congé*). Вяземский написал письмо Ден. Давыдову, весьма замечательное, в котором он старается оправдать Пушкина и отстранить от него всякий упрек в чрезмерном либерализме. Место в этом письме, относящееся к государю, проникнуто чувством искреннего преклонения перед его августейшей особой“.

В этой записи особенно интересно указание, что первое известие о поединке Николай получил от военных начальствующих лиц. Согласно данным камер-фурьерского журнала, государь в этот вечер, действительно, был в театре, вместе с гостившим в Петербурге принцем Карлом Прусским: отбыв из дворца в 8 часов 10 минут вечера, он вернулся туда в 10 часов 55 минут ночи. Щеголев, имевший возможность, благодаря содействию К. Я. Грота, навести соответствующую справку, не упоминает о лицах, которые в данное время находились во дворце и отмечает только, что ни посещение Арендта, ни посещение Жуковского, о которых мы знаем из других источников, в камер-фурьерском журнале не зарегистрир-

рованы (Щеголев. Назван. сочин., стр. 13). Однако самый факт появления во дворце военных начальствующих лиц с докладом, несмотря на неурочный поздний час, сам по себе не представляет ничего невероятного. Несомненно, Дантес немедленно после своего возвращения с поединка подал рапорт о происшествии своему ближайшему начальнику, полковому командиру Кавалергардского полка, каковым в это время был генерал-майор Родион Егорович Гринвальд, а последний, в свою очередь, счел своим долгом немедленно донести о случившемся начальнику гвардейской кирасирской дивизии генерал-адъютанту графу Степану Федоровичу Апраксину, а затем оба эти лица, в виду отсутствия командующего войсками гвардии великого князя Михаила Павловича, решили доложить о деле непосредственно самому государю, так как дуэль, в которой был замешан офицер такого видного полка, как Кавалергардский, в связи с толками, ходившими в обществе о роли, какую играл в истории этого столкновения дипломатический представитель государства, король которого был связан родственными узами с российским царствующим домом,— представлялась событием, достаточно важным для такого экстренного доклада. Возможно также, что оба генерала, в силу *esprit de corps*, объединявшего гвардейские части, надеялись личным докладом оказать влияние на императора в смысле благоприятном для Дантеса, хотя нужно заметить, что генерал Гринвальд, исполнительный и требовательный служака-немец, относился лично к Дантесу, бывшему далеко

не образцовым офицером, довольно отрицательно и неоднократно налагал на него различные взыскания за упущения по службе (С. А. Панчулдзев. Сборник биографий кавалергардов. Т. IV. Спб. 1898, стр. 79). Что касается до появления во дворце графа Нессельроде с докладом вечером 27 января, то этому как будто противоречит сообщение Геккерена в письме к Нидерландскому министру иностранных дел барону Верстолку от 30 января, в котором он, сообщая о выражениях участия, полученных им от Петербургского высшего общества, упоминает и о том, что граф и графиня Нессельроде посетили его в самый день „катастрофы“, т.-е. дуэли, и оставили его дом только в час ночи (Щеголев. Назв. соч., стр. 191). Что же касается приводимого Мухановым слуха о том, что еще вечером 27 января сам Геккерен явился во дворец, добываясь личной аудиенции у государя, то такой факт нужно признать совершенно невероятным, так как подобная настойчивость, граничащая с навязчивостью, вовсе не соответствует обычным дипломатическим приемам и совершенно не вяжется с нашим представлением о Геккерене, как об утонченно-вежливом, светском человеке и ловком дипломате. Конечно, Геккерен предпочитал воздействовать на императора Николая через посредство графа Нессельроде, очень к нему расположенного, как об этом и свидетельствуют сохранившиеся письма его к вице-канцлеру. (Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Спб. 1900. Стр. 51—52.) Тем не менее приводимый Мухановым слух о появлении старого Геккерена

в царском дворце в самый день роковой дуэли интересен в том смысле, что он характеризует отношение враждебно настроенной против Геккерена части общества, готовой приписать „низкому голландцу“, как выражается о нем сам Муханов, даже такие поступки, которых он даже не мог совершить.

Таковы записи Мухановского дневника, непосредственно касающиеся горестного события и отражающие в себе то впечатление, которое оно произвело на современников. Но и в дальнейшем Муханов неоднократно возвращается к Пушкину: очевидно, мысль о нем занимала его воображение, а непрекращавшиеся в обществе толки, вызванные дуэлью, давали пищу для различных соображений. Так, 16 февраля он записывает каким-то образом (может быть через Хомякова) дошедший до него отзыв Пушкина о Петре Великом, хотя следует сказать, отзыв этот мало вяжется с тем, что мы знаем о взглядах Пушкина на преобразователя. 17 февраля Муханов заносит в свой дневник, что к Жуковскому присоединен жандармский полковник для разбора бумаг Пушкина, и что Жуковский решительно опровергает распространенный в городе слух о том, что некоторые бумаги Пушкина будут сожжены. 18 февраля Муханов сообщает о состоявшемся запрещении русским журналам писать о Пушкине и осуждает эту меру, как несправедливую и нецелесообразную, приписывая ее всецело Уварову и его „мелочной злопамятности“ (*ressentiment petit et reticuleux*). Следующая запись от 19 февраля касается Наталии Николаевны Пушкиной и очевидно

отражает в себе некоторые толки о ней, ходившие в обществе.

„Здесь приехала недавно вдова Пушкина, которая не видалась с тестем. Старик очень сим оскорблен. Пушкина, говорят, как будто помешалась. Когда Дантес стал волочиться за нею, она об’явила мужу желание оставить Петербург, давая чувствовать, что француз ей не совсем равнодушен. Пушкин смеялся и требовал продолжения впредь той же откровенности. Если бы он внял тогда словам жены, может быть не было бы несчастья, столь рано его похитившего у нас“.

21 февраля Муханов сообщает об известном письме Жуковского к С. Л. Пушкину по поводу смерти его сына и сравнивает его с письмами кн. Вяземского по тому же поводу; письма эти, очевидно, ходили в публике по рукам, заменяя собой отсутствие каких-либо печатных сведений.

13 марта Муханов записывает слышанное им от А. П. Тургенева известие о том, что Мицкевич, желая отомстить за смерть Пушкина, послал вызов Дантесу, при чем будто бы Мицкевич даже опубликовал об этом в газетах. Слух этот сам по себе, конечно, является фантастическим, но что он был в то время распространен в русском обществе, об этом свидетельствует тот факт, что о нем говорит и Хомяков в письме к Н. М. Языкову от 14 апреля, притом в совершенно категорической форме („Мицкевич вызвал Дантеса на дуэль“). О дружеских отношениях Мицкевича и Пушкина было известно многим, и

очевидно это и породило толки о вызове, сделанном Дантесу польским поэтом-эмигрантом.

В последний раз упоминание Пушкина встречается в дневнике Муханова в записи от 24 марта, по поводу виденного им портрета Пушкина в гробу. Муханов был им недоволен; он находит, что „умное, выразительное лицо поэта приняло вид противного, распухнувшего лица шестидесятилетнего старика“. Муханов имеет в виду, повидимому, рисунок профессора Бруни, сделанный им в самый день смерти поэта. Оригинал этого рисунка был послан художником в Москву С. А. Пушкину. Быть может, его именно и видел Муханов. Тогда же была сделана с этого портрета литография, при чем сам художник переводил свой рисунок на камень (Либрович. Пушкин в портретах. С.-Пб. 1890. Стр. 77).

В. Саводник.

МОСКОВСКИЙ ПУШКИНИСТ

I

1 8 3 7 — 1 9 2 7

СТАТЬИ и МАТЕРИАЛЫ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. ЦЯВЛОВСКОГО

★

„НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ“
МОСКВА ↗ 1927